

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

МАРКОВ В. М.

К ИСТОРИИ НЕОРГАНИЧЕСКОЙ ГЛАСНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Показания Павтелеймонова евангелия XII в. (ГПБ, Соф. 1) (далее — ПЕ), касающиеся истории редуцированных гласных, позволяют продолжить те наблюдения, которые были начаты на материале Путятиной мины (далее — ПМ), Остромирова евангелия (далее — ОЕ) и других книжных текстов, относящихся к XI в. Главное в них — это выяснение сущности взаимодействия исконных глухих и так называемых неорганических гласных в процессе все большего ослабления фонематической значимости звуков, приобретающих характер нулевой категории в их системных отношениях с гласными полного образования.

Неорганические гласные, как известно, явились результатом тенденции формирования определенной модели славянского слога, тенденции, неравномерно проявлявшейся в различных стечениях согласных на протяжении ряда веков. Эта тенденция продолжала проявлять себя и тогда, когда создавались древнейшие славянские тексты, причем чем более отчетливо сказывалось присутствие неорганических гласных, тем чаще реализовались попытки избежать той редукции, которая способствовала разрыву актуальных этимологических соответствий. Иными словами, есть все основания думать, что по мере приближения к нашему времени из двух путей преодоления сложностей, связанных с группами согласных, все большее значение приобретал путь развития неорганической гласности, обеспечивающий сохранение соседствующих согласных.

Будучи проявлением собственно фонетической необходимости, неорганические гласные далеко не всегда осознавались как принадлежность фонемной структуры слова, несмотря на их большее или меньшее акустическое сходство с исконными редуцированными гласными. Сходство подтверждается, во-первых, показаниями древних текстов, передающих эти различные по своему происхождению звуки с помощью одних и тех же графических приемов. Во-вторых, как исконные, так и неорганические «глухие» в ряде случаев позволяют говорить об их одинаковом отношении к тем тенденциям, которые характеризуют древнейший период истории русского письма. Наконец, в-третьих, и те, и другие, «проясняясь» в так называемой сильной позиции, становятся гласными *о* и *е*. Все эти обстоятельства уже сами по себе достаточно выразительны, для того чтобы признать принципиально несостоятельным (по крайней мере, по отношению к древнерусской поре) изолированное рассмотрение истории исконных глухих вне их связи с неорганической гласностью, сыгравшей, как можно думать, весьма значительную роль в их дальнейшей судьбе.

Лишь при достаточном внимании к неорганической гласности могут быть поняты такие процессы, как образование «тематической» флексии в формах 3-го лица множественного числа атематических глаголов, сохранение определенных сочетаний согласных в одних языках и диалектах и их редукция в других, появление параллельных образований типа *семьи* и *седьмыи*, развитие разнохарактерных случаев полногласия, становление новых предложно-приставочных еровых форм, а также многое другое. Вместе с тем лишь при учете показательных противоречий, характеризующих природу неорганических гласных, может быть понята

та исключительно пестрая и представляющаяся во многих отношениях загадочной картина, которая раскрывается перед исследователем, пытающимся разобраться в закономерностях употребления букв ъ и ь.

Если допустить, как это делают многие, что отсутствие буквы является несомненным свидетельством отсутствия гласного, то останутся непонятными такие, например, написания, как *египтъ*, нередко выступающие наряду с написаниями типа *египтъ*, которые могут быть отмечены не только в пределах одного и того же целостного текста, но и на протяжении нескольких строк. Последнее написание согласуется с современным *Египет*, и, естественно, было бы странно относиться с недоверием к раннему ь, тем более что при отсутствии сонанта о позднем появлении гласного, разумеется, говорить не приходится. Если же допустить, что в сочетании *-пт-* действительно развивался неорганический гласный, то как при этом понять очень ранние случаи отсутствия ъ в таких, например, написаниях, как *птица*, которые также выступают наряду с написаниями, содержащими ъ? Очевидно, то общее, что объединяет указанные формы в период существования глухих, — это не отсутствие, а присутствие гласного, хотя, в силу разных причин, и не отличающегося той фонематической определенностью, которая делала бы его восприятие устойчивым и четким.

Важно подчеркнуть, что в некоторых случаях мы получаем возможность говорить об особых условиях, которые способствовали проявлению ослабленной в фонематическом отношении гласности на письме. В частности, это касается переноса или, шире, явлений, наблюдающихся в окончаниях строк и связанных с необходимостью осмысленного деления на слоги. Впрочем, прежде чем говорить об имеющихся в нашем распоряжении данных, необходимо напомнить о том ошибочном понимании этих явлений, которое долгое время препятствовало серьезному изучению весьма интересных с точки зрения исторической фонетики фактов. И. В. Ягич, рассказывая о содержании своих лекций, писал: «Я обращал внимание на палеографический прием древних памятников, по которому, прерывая слово и перенося часть его в следующую строку, любили в конце предыдущей строки после согласной ставить еще ъ или ь» [1]. Это загадочное пристрастие к указанным буквам впоследствии было истолковано как следование некоему правилу, не имеющему никакого отношения к реальной фонетике слова. Отсюда та странная небрежность в оценке «неожиданных» буквенных знаков, приходящихся в рукописях на перенос, которая, к сожалению, наблюдается не только тогда, когда дело касается источников сравнительно поздних, не стражающих древнерусских силлабических норм, но и тогда, когда речь идет об источниках XI—XII столетий, красноречиво свидетельствующих о сохранении редуцированных гласных. При таком положении вещей необходимо еще раз сосредоточить внимание на упомянутых фактах, тем более что избранный для исследования памятник позволяет, как кажется, обнаружить немало свидетельств того, что перенос в древних текстах происходил по слогам, требуя, таким образом, известной сосредоточенности на слогоделении и повышенного внимания не только к этимологически оправданным, но и к более или менее развитым неорганическим гласным.

Если бы дело касалось лишь графики, то, конечно, в окончаниях строк можно было бы ожидать ъ и ь во всех сочетаниях согласных, и, в частности, в таких распространеннейших сочетаниях, как *-ст-* и *-ск-*, встречающихся во многих категориях слов. Между тем ничего подобного мы не видим. Как правило, в случаях переноса фиксируются гласные в таких сочетаниях согласных, в которых так или иначе обнаруживается наличие гласного и независимо от рассматриваемых условий. При решении вопроса о фонетической обусловленности соответствующих написаний этот факт, разумеется, может быть признан достаточно значимым, особенно если учесть, что с ним согласуются показания текстов, иногда допускающих «нарушение» орфографической нормы, т. е. представляющих отдельные случаи не «гласного», как обычно, а «согласного» окончания строк. К числу таких текстов принадлежит и исследованный текст ПЕ, позволяющий присмотреться к явлению, вызывающему большой интерес.

Прежде всего необходимо отметить отсутствие случаев переноса на одиночном согласном при написании гласной на следующей строке, т. е. случаев вроде *вод-ити* или *сѣб-орѣ*. Если же строчка кончается на букву согласного звука, то гласный (как редуцированный, так и полный!) не обозначается вообще, что, естественно, должно пониматься как случайная недописка, возможная лишь в случае ориентации на реальное «слоговое» звучание слова. Перед нами, таким образом, яркий факт, объединяющий разнотипные гласные и тем самым подтверждающий действительное существование тех гласных, которые по тем или иным соображениям могли казаться «сомнительными» при рассмотрении древнерусского материала. Вот те примеры из текста ПЕ, которые имеются в виду.

1. Случаи опущения букв, обозначающих гласные полного образования: *прок-жѣнаго* (173), *архиереи ж-* (вм. *же*, 178об.), *вѣторн-кѣ* (209об), *премудр-стию* (219об), *пр-дѣлѣхъ* (223); здесь же может быть отмечено и написание *смок-вѣница* (162 об), так как данное слово уже с древнейшей поры (и это в интересующем нас отношении особенно показательно) представляет чередование *ѣ* и *о*: *смокѣ-вѣница* (162об), *смокѣвѣницюу* (112, а также 125, 162об), но — *смоковѣница* (165об), *смоковѣницю* (132об три), *смоковѣницею* (4 два); ср. в ОЕ *смоковѣница* (146об), но — *смоковѣницю* (289), *смоковѣницею* (7), *смоковѣници* (289).

2. Случаи опущения букв, обозначающих исконные редуцированные гласные: *рѣп-тааюу* (114об, ср. *рѣпѣтааюу* 95об, а также *рѣпѣтахуть* 12, *рѣпѣхутье* 12, *рѣпѣтъ* 15), *оум-ремѣ* (159, ср. *оумѣреть* 12об, 24об, 53, 56, 79, 82об, 123об, 135, 160 два, 160об и др.), *д-вою* (139, ср. *дѣвою* 16, 32об и т. д.), *сѣм-ртѣнѣ* (223об, ср. *сѣмѣртѣню* 198об и др.).

3. Случаи опущения букв, обозначающих неорганические гласные как в славянских, так и в заимствованных словах: *мат-фановѣ* (86об два, ср. *матѣфана* 215об), *талан-тѣ* (170об два, ср. *таланѣтъ* 62, а также 82 два, 170об), *ан-глѣ* (217, ср. *анѣ-гла* 220об, а также 49об, 165об, 213), *рав-ви* (10, ср. *равѣви* 4, а также 167), *зем-ли* (27об, ср. *земѣ-ли* 24об, а также 5об два, 70), *прием-леть* (118, ср. *приемѣ-леть* 128, а также 75), *въз-любленѣи* (222, ср. *възѣ-ложѣша* 194об и др.), *въвър-жеть* (82, ср. *въвърѣ-жеть* 34 и др.).

Характерно, что писец, перенося слово по слогам и обозначая при этом слогообразующий гласный, порою пытается «исправить» написанное, коль скоро с точки зрения принятых норм написание буквы в определенных условиях может считаться ошибочным. Так, например, он стирает кончающую строку букву *ѣ* в слове *помышѣ-ляете* (24), хотя забывает это сделать в другом аналогичном примере: *помышѣ-ления* (53об). Следует также отметить, что именно окончания строк в ряде случаев допускают написание *о* или *е* вместо *ѣ* или *ѣ*, в чем нельзя не увидеть свидетельства осознаваемой гласности: *ано-дреа* (20об), *нефо-талимя* (223), *мо-ного* (37, а также 5об), *нѣсе-ныя* (60, 125об) и т. д. Наконец, при переносе на согласный могут проявляться такие яркие восточнославянские особенности, как первое полногласие, объясняющее нам, например, написание *ж-ребѣя* (190). Нужно ли говорить, что при наличии перечисленных данных у исследователей многих текстов древнейшей поры есть все основания видеть в заключающих строку написаниях с *ѣ* или *ѣ* отражение не всегда согласуемого с орфографией живого звучания слова и рассматривать окончания строк как источник достаточно ценных дополнительных сведений по истории русского языка.

II. Неорганические гласные в структуре заимствованной лексики важны для нас как аналог славянских глухих и вместе с тем как свидетельство развития гласности в определенных стечениях согласных. В отношении заимствований с интересующей нас точки зрения как будто бы нет разногласий: необходимость сохранения их консонантной структуры неизбежно вызывала появление гласности в тех фонетических условиях, которые в том или ином отношении противоречили требованиям древнеславянской произносительной нормы. «Кроме давних славянских *ѣ*, *ѣ*, — пишет А. М. Селищев, — в системе старославянского языка были *ѣ*, *ѣ*

такие, которые появились при передаче заимствованных слов, — появились для избежания закрытости слога и некоторых групп согласных... Написание *ъ, ь* в передаче этих слов указывало действительно на редуцированные гласные, которые затем разделяли судьбу, одинаковую с *ъ, ь* более давнего происхождения» [2]. Об этом же писали и многие другие языковеды-слависты, отмечая сам факт появления «новых» глухих. При наличии подобных замечаний тем более удивительно, что в работах по исторической фонетике русского языка об этих гласных, как правило, вообще не говорится ни слова. Исследователи, имея дело с показательными частностями вроде первого полногласия, словно бы не замечают существования важнейшей проблемы неорганической гласности, не задумываясь над причинами происхождения целого ряда фонетических процессов. Поэтому оставлены без внимания и случаи развития вставочных гласных в заимствованных словах, если не считать традиционно упоминаемых образований *скоропия* или *мороморъ*, напоминающих в своем развитии об аналогичном изменении раннего сочетания *tort*.

Прежде чем перейти к рассмотрению показаний Пантелеймонова евангелия, необходимо напомнить те общие закономерности, касающиеся качества развивающихся звуков, которые с наибольшей отчетливостью раскрываются при изучении именно заимствованных слов. Речь идет о тенденции прогрессивно-ассимилятивного развития гласных, т. е. об исходной зависимости вставочного гласного от характера гласного предыдущего слога: если в этом слоге присутствует гласный непереднего ряда, такого же качества гласный развивается и между согласными, на первых порах, по-видимому, независимо от характера гласного последующего слога. В дальнейшем эта зависимость может обнаружить себя в появлении произносительных вариантов, порождаемых, когда это возможно, дальнейшей историей соответствующих образований. Отсюда те редкие различия, которые наблюдаются между отдельными памятниками, в общем, не допускающими смещения знаков глухих. Так, в ПМ имя *андртѣ* постоянно пишется с *ъ*, тогда как в ПЕ в соответствующем написании представлен лишь *ъ*. Ср. в ПМ: *аньдрѣѣ* (79, 79об, 81об), *аньдрею* (87об); в ПЕ: *ань-дрѣѣ* (38), *аньдрѣѣ* (63, 84об), *ань-дрѣѣ* (136об), а также *ано-дрѣѣ* (20об). В Чудовской псалтыри находим *еуангелии* (2), тогда как в ПЕ *евангѣліи* (175об) и т. д. Не повторяя сказанного ранее в нашей монографии [3, с. 146—157 и др.], укажем лишь *поньтскоуоумоу* (221), которому в русских летописях соответствует *понетский* — свидетельство жизненности отмеченных фонетических отношений.

Очевидно, предстоит еще уточнить те условия, в которых с большей или меньшей степенью последовательности осуществлялось развитие гласного еревого типа при наличии непереднего гласного в предшествующем слоге. Более прозрачными оказываются те обстоятельства, которые определяют сравнительно редкое возникновение гласного типа *ъ* на месте ожидаемого гласного переднего ряда: здесь многое определяется присутствием в последующем слоге твердых переднеязычных согласных, т. е. наличием тех конкретных фонетических условий, которые, как известно, сыграли значительную роль в фонетическом развитии ряда славянских языков. Следовательно, при наличии указанных согласных также оказывалось возможным появление произносительных вариантов, причем различные тексты по-разному отражали это явление, что, по-видимому, позволяет говорить о диалектном своеобразии наблюдаемых чередований. ПЕ принадлежит к числу источников, в общем свидетельствующих о возможности совместного существования указанных огласовок, что проявляется, между прочим, как в написании славянских образований (см. ниже), так и в передаче заимствованных слов.

Яркой иллюстрацией к сказанному может послужить огласовка существительного *кинсь* и прилагательного *кинсьныйи*. В соответствии с написаниями ОЕ, где неорганический гласный обозначается либо надстрочным значком, либо *ь*, в ПЕ выступает написание *кинись* и, соответственно, *кинисьноюу*. Ср.: *отъ кыихъ приемлютъ дани или кин'сь* (ОЕ, 72), *достойно ли есть дати кин'сь кесареви* (ОЕ, 78), но — *отъ кыихъ приемлютъ*

дани или кинишь (ПЕ, 560б), *достоитъ ли кинишь дати кесареви* (ПЕ, 820б); *покажете ми цѣту киньсьную* (ОЕ, 78), но — *покажете ми златицоу киньсьную* (ПЕ, 68). Образование *кинись* принадлежит к разряду явлений, которые свидетельствуют о наиболее последовательной реализации принципа прогрессивно-ассимилятивного развития неорганических гласных, т. е. о «полногласии», отражающем один из путей освоения заимствованной лексики в условиях непрерывной открытости слога. Сюда относятся не только упомянутые формы вроде *мороморъ*, но и такие образования, как *харатия*, *манатия*, *инидиктъ*, *гереманъ* и др. Развитие подобных образований, естественно, сдерживалось рядом обстоятельств, и, следовательно, развивающиеся неорганические гласные далеко не всегда соответствовали тенденции, так сказать, идеального уподобления, как правило, оставаясь в том «еровом» качестве, при котором было естественным их сближение с гласными *о* или *е*. При наличии последующего твердого переднеязычного согласного на месте ожидаемого *ь* мог, таким образом, выступать неорганический звук типа *ъ*, объясняющий нам отмеченное в ПЕ (и в ряде других славянских рукописей) написание *кинось*: *достоино ли естъ дати кинось кесареви или ни разоумѣвъ же ись лоужавство ихъ рече... покажете ми цѣтоу киньсьну* (166). Фонетическая обусловленность отмеченного параллелизма нам представляется несомненной.

Есть в исследованном тексте и другие примеры полногласия, представленного в заимствованных словах. Это, во-первых, известная форма *скоропия* (ср. в ОЕ *скор'пню* — 2750б), отмеченная А. А. Шахматовым в Златоструе XII в., в Евангелии XIII в. и т. д., которая выступает наряду с формой *скарпия*, известной по тексту Изборника 1073 г. (*скар'пню* — 170). Ср.: *подасть емоу скарпню* (1040б), *се даю вамъ власть наступати на змия и скарпню* (119), но — *се дахъ вамъ власть наступати на змия и скоропия* (2100б). Другой пример полногласия — собственное имя *малахъ*. Ср.: *бѣ же имя рабоу малахъ* (ПЕ, 1860б), но — *бѣ же имя рабоу мал'хъ* (ОЕ, 1770б). Что касается случаев чередования разнокачественных неорганических гласных перед твердым переднеязычным, то здесь в первую очередь обращает на себя внимание параллелизм *видѣсаиды* (30б, 240б) — *виѣсаида* (970б). Последний пример, как и некоторые приведенные выше, напоминает нам о возможности обозначения неорганического гласного с помощью букв *о* и *е*. Другие написания, свидетельствующие об этом: *народа* (1610б, ср. в ОЕ *нар'да* — 142), *нефо-талимя* (223, ср. *нефталимлихъ* — 223, а также в ОЕ *неф'фалимя* — 2620б).

В русской орфографии старшей поры существуют, таким образом, три способа графической передачи заимствованной лексики (если не считать отдельных случаев употребления букв *о* и *е*), отраженных в таких, например, документах, как Путятина минея, Остромирово евангелие, Синайский патерик (далее — СП) и др. Ср. *хар'тию погребосте съ нимъ-сии же... глаша емоу еи-ѣлко хар'тию бо ны нѣкаку дастъ оумираи рече-егда ꙗже погрѣбаеи мя-сию хар'тию дадите дрѣжати м'нѣ въ роукоу* (СП, 144). ПЕ, не зная употребления пасрков, представляет свидетельства лишь двух из указанных возможностей, позволяя усматривать яркий параллелизм между заимствованными словами и славянскими образованиями, связанными с непосредственным обозначением «старых» и «новых» глухих. Примеры: *андрѣа* (240б два), но — *анѣдрѣа* (38, а также 63, 840б, 1360б); *матфеи* (380б), но — *матѣфеи* (47, так постоянно); *кондратъ* (34, 84), но — *конѣдратъ* (136); *талантъ* (810б семь, 82, 1700б пять, 171 четыре), *таланта* (810б два, 171 два), но — *талант'тъ* (62, 820б два, 1700б); *егуптъ* (2180б), *егупта* (там же), *егуптѣ* (там же), но — *егуп'тъ* (218); *понтьскоуоужоу* (1790б), но — *понѣтьскоуоужоу* (221); *матфанъ* (2150б), *матфановъ* (860б два), но — *матѣфана* (2150б).

Некоторые слова передаются в исследованном тексте лишь в «еровом» написании; другие, наоборот, представлены написаниями, не передающими вставочного гласного, тогда как существование этого звука подсказывается материалом других документов XI—XII вв. К написаниям первого типа относятся такие написания, как *дидрагъма* (56, 560б), *ехидньсци* (580б).

олокавътоматъ (83об), анѣфима (205об), титѣлоу (208 два), вакъха (209об), павѣла (212об), авѣгоуста (216об). К числу постоянных «безъеро-
вых» написаний относятся следующие: *левгиты* (1об и т. д., ср. в ОЕ *лѣвъгиты* — 3об), *магдалыни* (10об два, ср. в ОЕ *магъдалыни* — 17 об два), *закхеи* [131об, ср. в Архангельском евангелии (далее — АЕ) *закъхѣи* — 173], *голгофа* (145об, ср. в АЕ *голъгофа* — 108об, 118, 128об два), *леонтии* (176 два, ср. в СП *леонътии* — 5), *сандалия* (75, ср. в СП *сан'далия* — 179) и т. д. В общем картина достаточно типична для древнерусского евангельского текста: здесь и свидетельства нечеткого понимания фонетического содержания слова, и отражение индивидуальных писательских привычек и, наконец, подтверждение тех общих соображений, которые заставляют нас связывать историю давних глухих с историей «новых» неорганических гласных.

Роль последних особенно заметна тогда, когда дело касается стечения одинаковых согласных, т. е. стечения, которое допускает, в отличие от других групп согласных, редукцию, определяющую возникновение таких образований, как *осана* (ѡсѡнѣ), *рави* (рѣвѣ) и под. Параллелизм написаний *осана* — *осанъна*, *рави* — *равѣи* делает несомненным наличие гласного звука как средства сохранения обоих согласных, хотя и в данном случае нередки написания вроде *осанна*, *равви* и под. Ср.: *ава* (СП, 4об) — *авѣва* (СП, 5) — *авва* (СП, 27об); *кападокия* (СП, 80) — *кап'надокия* (СП, 63об) и т. д. В ПЕ содержатся следующие написания, отражающие возможность упущения отмеченных групп: *аны* (207), но — *аньѣ* (187), *анъна* (187об, 199), *анъны* (214об), а также — *аннѣ* (221); *осана* (141об, 161 два, 162), но — *осанъна* (161об); *маноу* (14), ср. в ОЕ *манъну* (24); *варавоу* (193об два, 194 два), ср. в ОЕ *варавѣу* (197); *гавафа* (207об), ср. в ОЕ *гав'вафа* (220); *асурии* (211об), ср. в ОЕ *ас'сари* (234). Слова *равви* (4 два, 5об, 10, 18об, 22об, 143об, 167, 176об) и *емаоуѣ* (199) передаются в ПЕ в соответствии с их исходной структурой (ср. в ОЕ *емаоуѣ* — 4).

Значительное количество случаев редукции, обнаруживаемое на материале исследованных текстов, заставляет признать наблюдаемое явление достаточно распространенным и, в связи с этим, рассматривать написания типа *ана*, *ава* и под. как проявление живой фонетической тенденции, характеризующей одну из древнейших особенностей восприятия заимствованных слов. Это само собою разумеющееся обстоятельство приходится подчеркивать потому, что в некоторых случаях исследователи, комментирующие издаваемые тексты, почему-то видят в отмеченных написаниях что-то загадочное, требующее недоуменных восклицаний вроде «так!» и т. п. (см., например, [4—5]).

Последнее, что должно быть отмечено по поводу неорганических гласных в заимствованной лексике, — особенно широкое отражение этих звуков в позиции после плавных. Эта позиция представляла условия, сходные с теми, в которых с наибольшей последовательностью развивалось так называемое «полногласие», и, следовательно, наблюдаемые в данном случае отношения, без сомнения, могут считаться достаточно показательными с точки зрения собственно славянских фонетических изменений. Более того, сам характер отражения вставочной гласности в положении после плавных во многом зависел от усвоенных способов передачи древнерусских сочетаний редуцированных с плавными, о чем свидетельствует, в частности, исследованный евангельский текст.

III. Вопрос о втором полногласии как об одном из древнейших восточнославянских фонетических явлений, обусловленных теми же причинами, что и первое полногласие, в настоящее время является решенным: характер развивающегося гласного, его зависимость от определенных фонетических условий, показательное сходство его восприятия с восприятием исконной редуцированной гласности в положении после плавных, соответствие показаний древнейших источников современным диалектным (и отчасти общепринятым) образованиям вроде *верех* и *должно* — все это, в совокупности, позволило преодолеть те сомнения, которые долгое время находили отражение в исследованиях и пособиях по истории русского языка. Древнейшие грамоты на бересте, содержащие такие написания, как

смерьда, първо, твърдятъ, върши и под., подвели, так сказать, окончательную черту в затянувшихся теоретических спорах по поводу двуеровых написаний, рассматриваемых, как известно, некоторыми языковедами как отражение графической контаминации, искусственного церковного произношения и т. д. Было установлено, что показания книжных источников и деловых документов в общем согласуются друг с другом, подтверждая несомненную значимость этих написаний как, говоря словами Л. Л. Васильева, «действительных отражений второго полногласия» [6]. Теперь, таким образом, задача исследователя заключается не в том, чтобы доказывать наличие неорганической гласности, развивавшейся после плавных, а в том, чтобы исследовать характер отражений этой гласности в связи с различными установками древнерусского писца как носителя определенных языковых представлений.

Норму в тексте ПЕ составляют написания типа *върхъ*, т. е. написания, соответствующие древнейшей восточнославянской орфографической традиции, не допускающей последовательного обозначения неорганического гласного буквами *ъ* или *ь*. Ниже даны примеры, подтверждающие сказанное.

1. Написания типа *-ър-*: *бървна* (93об), *бървно* (93об два), *бърние* (22об два, 23 два), *въвъргоша* (136об, 139об), *въвъргоуть* (50, 50об, 213об), *въвърге* (84, 125об, 136об два, 139об, 140, 157об), *въвъргемъ* (89об), *въвъргено* (34об), *въвъргень* (116, 151об), *въвъргенъ* (50), *въвъргеть* (13об, 70, 82), *въвъргѣте* (73об, 171об, 203), *въвъргоша* (120, 147об), *въвъргати* (43), *въвъргающе* (154, 213), *въвъргнете* (213), *вървия* (5), *въргоуть* (20), *въргение* (149об), *вързи* (87об, 223), *въртоградаръ* (201 об), *въртоградъ* (186 два), *въртоградъ* (187об), *въртнь* (192об), *въртнь* (192об), *върха* (7, 88об, 99об), *върхоу* (57об, 58, 107об, 161, 168, 194об, 205, 218), *държаахоу* (121), *държаста* (2, 199), *държати* (78, 113об), *държати* (6, 99об, 202об), *държаша* (90), *държаше* (78, 150об), *държимья* (64), *държите* (6, 78об два, 202об), *държитъ* (41, 128об), *дързи* (51, 109об, 178), *дързоуеъ* (10, 192), *жърновньи* (116), *жъртеъ* (83об), *жестосърдию* (61об, 129об, 198), *зърно* (57), *зърноу* (49, 70, 125об), *извъргоша* (50об, 133об), *извъргеть* (28об, 182), *извързи* (34об), *исървеа* (183об), *исъргнетъ* (53), *милосърдова* (38, 65, 113), *милосърдоваеъ* (62, 155), *мързость* (59об, 128об, 138, 164об), *мъртви* (8, 41об, 123об, 199об), *мъртеъ* (140об, 141, 157об), *мъртеви* (96, 160об), *мъртевиими* (198об), *мытхъ* (5, 26 два, 31, 52, 56 два, 58об, 83 два, 97об, 103, 123об два, 127об, 135, 135об два, 161об, 162, 166об два, 168об, 192об, 196об, 198, 200, 200об, 201об, 203об), *мъртвья* (7об, 116об, 212об), *мъртвьяца* (116об), *мырче* (152об), *одържима* (89об), *одържимъ* (13об, 124об), *одържимы* (33), *оповьрге* (5), *осквѣрнити* (79об), *осквѣрнять* (187об, 188), *отъвъргша* (95), *отъвъргоуся* (142об, 177), *отъвъргы* (108об, 212), *отъвърге* (1сб, 144об два, 150, 179, 179об, 187об два), *отъвъргени* (38), *отъвъргень* (212), *отъвъргеть* (35об, 53, 100, 127об, 156об), *отъвъргеши* (142об, 144, 149, 150об, 177, 179об), *отъвъргаетъ* (21), *отъвърге* (23 три, 23об три, 26, 33, 200об), *отъвъргета* (65), *отъвъргеть* (104 три, 104об), *отъвързи* (56об, 85об, 126, 170об), *отъвъргоста* (3, 22об, 54об), *отъвъргосте* (200), *отъвъргоша* (195об, 222), *отъвъргоуть* (122об), *отъвъръ* (214), *отъвъръше* (218), *отъвързы* (160об), *отъвърста* (4), *повьргоша* (54), *повьргы* (89, 193), *помьркнетъ* (60), *помьркншоу* (191), *потьрни* (62), *почьрнала* (17об), *почьрпать* (18), *псчьрпше* (7), *почьрпше* (7), *претьрзахоу* (71), *претьрптеи* (138), *протьрзаахоу* (89об), *пртпьрптеи* (39, 77), *първая* (77об 83об два, 166об), *първи* (35об, 131), *първое* (13об, 58, 216об), *първомъ* (209), *първостъника* (212), *първоухоу* (115об, 163, 191об, 208), *първоу* (140об, 196об, 198), *първы* (83, 118об, 123, 123об, 135, 141об, 163об, 166, 175об), *първыихъ* (46, 68об, 105), *първья* (192об), *пърете* (67, 80, 93об, 101об, 107, 108, 187), *пърети* (1об, 222об), *пъретиши* (83об, 135об), *първѣньць* (216, 216об), *пърси* (31, 137об, 191, 204), *пърста* (103, 156), *пърстенъ* (140об), *пърстъ* (6об), *пърстѣмъ* (72об, 107об, 167), *пърстѣ* (105), *развързая* (223об), *развързи* (156), *развъргоста* (156), *раствърза* (179), *раствързавъ* (106), *сквѣрнити* (79), *сквѣрнить* (53 два, 53об, 79), *сквѣрнять* (43об, 53об), *сквѣрняяца* (53об, 79), *смердитъ* (160об), *свършени*

(30об, 186), съвършение (114об, 206об), съвършенъ (65, 93об, 130об), съвърши (54), съвършилъ (161об), съвършити (114об два), съвършихъ (27об, 185), съвършиша (191об два, 208об), съвършию (8об), съмърти (2об, 8 два, 19об три, 100, 142об, 144, 151об, 156об, 159, 159об, 179, 199об), съмъртию (25, 31, 79, 188, 204), съмъртъ (39, 137об, 149, 158, 174об), съмъртъно (198об), сърдцъ (62об), сърдцъмъ (77об), сърдцъя (26), сърпъ (70), търние (45об, 99), търнии (46об, 67об, 99об), търния (93об, 99, 188об, 194, 210), търноеъ (189об), търновыи (188об), търнить (137), търплю (57, 112об), търпѣнии (99об, 124), оудържаша (127об), оудържимъ (163об), оумърла (72, 110), оумърлъ (159об, 160), оумъртвия (218об), оумъртвять (124), оутвърди (44об, 99, 101, 103об, 154об, 174об), оутвърдите (192об), оутвърдити (192об), оутвърдиша (192об), оутвърдиши (149), църкѣви (5, 15об, 32об, 43об), църкѣвъ (32об, 190), църкѣвая (152об), църкѣвънѣмъ (87об), четвертовластѣникъ (86), четвертовластѣствоууюшо (221 два), четвертовластѣцъ (97об), четвертое (76об), четвертъ (173, 187об), чърленю (194), чърленюу (102об, 188об), чърмьноу (55), чърмьноуетъ (55), чърта (205), чъртъ (116).

2. Написания типа -ър-: ьърстию (78), кърмъ (70об), оскърбѣ (31), скърби (29, 29об, 69об, 165, 184), скърбъ (164об, 165, 183об), скърбѣни (185), скърбѣти (177об), скърбѣя (130об, 154об), скърбѣща (219об), скърбѣще (176об), тържища (72), тържищицъ (73, 84, 107об, 136, 139об, 167), тържѣникомъ (5, 171).

3. Написания типа -ъл-: вълкъ (205об два), вълнению (209), вълхвомъ (219 два), вълхвъ (218 об), дългъ (62, 62об два, 75об), дългы (153об), дължѣникомъ (163об), дължѣникъ (62, 115об), дължѣнъ (62, 115об), дължѣнъ (62 три, 115об два, 167об, 168, 189), дължѣнѣише (112), извълкъ (143об, 178), испълнена (30), испълнения (1об), испълни (5об, 29), испълнити (222), испълнить (205), испълнить (70, 182об), испълниша (20об), испълнь (76, 87, 191об, 195), испълняя (219), мълва (175, 194), мълвааше (206об), мълнии (60, 117), мълчааше (179), мълчи (70об), напълни (145об), напълните (7), обълчена (106), обълченъ (220об), продължаеъ (70), пълна (107), пълни (168об), пълноу (203об), пълнь (127, 191об), стълпъ (112, 114, 133об), тълкноуешию (122об), оумълкнууъ (120об), оумълчить (129, 132), хълмомъ (152), хълмъ (221).

На фоне перечисленных написаний двуеровые написания в памятнике встречаются сравнительно редко, что отличает его отряда других аналогичных источников и, в частности, от МЕ, где указанные написания (как будет видно из таблицы) встречаются значительно чаще. Например:

1. Написания типа -ьрь-: бьрьвѣна (37об), бьрьвѣно (37об), вьвьрьженоу (129об), вьвьрьженъ (129), вьвьрьже (136об), вьвьрьжеъ (34), вьвьрьзи (131об, 133, 162об), вьрьхоу (168), дьрьзаи (132), дьрьзаите (185), жьрьновѣнныи (129), жьрьтѣвѣникъмъ (58), зьрьно (131об), извьрьзи (34), испьрьва (29), мьрьтѣи (94об), мьрьтѣицъ (162об, 203, 203об), мьрьтѣя (38об), одьрьжааше (89об), одьрьжими (106об), отвьрьгоша (134), отвьрьгоу (35об), отвьрьгы (132об), отвьрьженъ (108об), отвьрьзаеъ (37об), отвьрьръзѣи (180), отвьрьроуъ (37об), помьрькнеъ (165), претвьрьтѣвѣи (164об), пьрьви (35об, 131), пьрьвое (37об), пьрьвоюуоуоу (195об), пьрьвыи (38, 56), пьрьвыицъ (34, 34об), пьрьвицъ (163об), пьрьси (152об), пьрьста (202об), раствьрьгоуъ (37об), раствьрьза (144), сквьрьнящая (79об), свьвьрьшени (35), свьвьрьшенъ (35), свьвьрьши (40), свьвьрьшию (18об), смьрьрти (151об, 177об), твьрьдѣ (143об), тьрьния (36об), тьрьпить (134), оутвьрьжающоу (198об), чьрьвъ (129, 129об два), чьрьна (34об).

2. Написания типа -ъръ-: прискъръбѣна (177об).

3. Написания типа -ълъ-: вълкъ (101об), вълнами (37), вълнению (97), вълныи (70об), вълъсѣи (217об), вълъхвъ (218об), вълъхвы (217об), вълъци (210), дълъгъ (62), дълъжѣни (131об, 176об), дълъжѣника (96об), дълъжѣникоу (103об), дълъжѣнъ (57об два, 96об), дълъзѣ (150), зълъчию (194об), мълва (139), мълваши (207), мълнии (165, 196об), мълнию (210об), мълния (60), мълчааше (144), мълчахоу (128, 154об, 216), напълъниша (7), обълъкы (151об), обълъчена (71об), примълъчи (89),

стѣльнѣ (163об), тѣлькоущемоу (37об), тѣльцѣте (37об), оумѣлькнѣта (64об), оумѣлькни (63об), оумѣлкнѣуть (148), оумѣльче (73об).

Особый интерес при рассмотрении двуеровых написаний представляют написания типа -ѣръ-, т. е. написания, свидетельствующие о возможности развития непереднего гласного перед твердым переднеязычным согласным. Эти написания, подтверждая фонетическую обусловленность двуеровых написаний вообще, позволяют усматривать показательный параллелизм в развитии исконных и вставочных гласных, представленных как в славянских, так и в заимствованных словах. Не касаясь тех фактов, которые были уже рассмотрены нами [см. 3, с. 178 и сл.], считаем необходимым подчеркнуть здесь лишь то, что различные документы древнейшей поры обнаруживают различную степень зависимости неорганических гласных от согласных *т, ѡ, с, з* и т. д. В этих документах возможны ограничения лексического характера, когда при наличии казалось бы одинаковых условий написания типа -ѣръ- выступают лишь в передаче отдельных лексем. Возможна и связь лишь с каким-то определенным согласным, что прекрасно подтверждается материалом ПЕ, где написания типа -ѣръ- выступают, как правило, лишь перед *з* (в одном примере перед *л*): *ѣстьръзаахоу* (98), *ѣръзаи* (51), *мръзость* (116), *отѣръзоу* (49об), *оумръла* (51). В целом наблюдения над употреблением отмеченных написаний (начиная с ПМ и ОЕ) заставляют сделать вывод о сокращении их количества в источниках XI—XIII вв. в пользу двуеровых написаний, соответствующих обычно полногласной модели. Этот процесс, в котором мы видим отражение живых фонетических отношений, проявляется, в частности, в случаях совместного существования по-разному передаваемых корней, которые могут быть обнаружены в рамках одного и того же древнерусского текста. Ср.: *ѣръзаи* (ПЕ, 51), но — *ѣръзаи* (ПЕ, 132); *отѣръзоу* (ПЕ, 49об), но — *отѣръзоуть* (ПЕ, 37об), *мрътъвъхъ* (МЕ, 117), но — *мрътъвъя* (МЕ, 105); *жѣрътъвъахъ* (МЕ, 72), но — *жѣрътъвъныи* (МЕ, 123об), *мрътъво* (Успенский сборник, далее — УС, 191об), но — *мрътъво* (УС, 182об); *четѣрътъми* (УС, 153об), но — *четѣрътъми* (УС, 149) и т. д.

Примеры из Успенского сборника представляются тем более выразительными, что они позволяют обнаружить одно из дополнительных свидетельств параллелизма в развитии двух основных категорий восточнославянского полногласия. Дело касается предложного образования *черось*, на которое обратил внимание А. А. Шахматов. «Звуковой контаминацией объясняется и сочетание *еро* вм. *ере*. Так находим *черось* вм. *чересь*, *черезъ* под влиянием *скрозъ*, *скрозъ*: *черось* Усп. сб. XII в., 106д, 131б, Прол. 1383 (Собол.), *черось* *ночь* Поуч. Илья Новг. по сп. XV в.» [7, с. 153]. Это объяснение А. А. Шахматова представляется по меньшей мере спорным. Никаких доказательств возможности отмеченного влияния А. А. Шахматов не приводит. В УС образование *скрозъ* отсутствует, как отсутствует оно в «Материалах» И. И. Срезневского, так что само существование приводимой А. А. Шахматовым формы в древнерусский период должно быть признано сомнительным. Полагаем, что для искусственного допущения принимаемого А. А. Шахматовым влияния нет никаких оснований: форма *черось* (106об, 131) встречается в УС наряду с формой *чересь* (15об, 129об) точно так же, как встречается в нем форма *четѣрътъми* наряду с образованием *четѣрътъми*, отражая реакцию неорганического гласного на последующий твердый согласный переднеязычный, т. е. реакцию, следы которой постепенно утрачивались в процессе «уравнивания» интересующих нас гласных. Следует добавить, что предложная форма *черось* оказывалась изолированной в том отношении, что здесь отсутствовали какие бы то ни было побочные факторы вроде мягкости согласного в родственных формах, т. е. факторы, которые ускоряли бы прохождение указанной замены (ср. отношения типа *перед*:- *перед'*-, *серед*:- *серед'*- и под.)¹.

¹ Указанная мена гласных *е* — *о* перед твердым переднеязычным возможна и в условиях приставочных форм. Мы имеем в виду показательное написание *пероступил* в записи писца Ев. чт. 1370 г. (ГПБ, Соф. 189, л. 134), т. е. написание, вполне сопоставимое с формой *черось*.

Любопытно, что сказанное находит своеобразное подтверждение в графической интерпретации заимствованных слов, содержащих исходное сочетание *-ер-* в положении между согласными. О возможности сближения этого сочетания с сочетанием *-ьр-*, как и вообще о возможности раннего сближения редуцированных, находящихся в исследуемых сочетаниях, с гласными полного образования, свидетельствуют, как известно, достаточно многочисленные написания, на которые указывал еще А. А. Шахматов. Речь идет о написаниях типа *свершишиа* и подобных, встречающихся в Минее 1095 г., в Христинопольском апостоле, в Стихираре 1157 г., в Златоуструе XII в., в Ефремовской кормчей и т. д. [7, с. 207]. К этой же категории явлений относится и зафиксированное в ПЕ написание *исполънити* (124об); здесь же следует отметить и дважды встречающееся в Милитином евангелии написание *четвертоеластъникъ* (78 об, 89об; ср. *четвъртоеластъникъ* — 86об) и т. д. При наличии всех этих написаний становится понятным тот факт, что, встречая в заимствованном слове межконсонантное сочетание *-ер-*, писец, дезориентированный неясностью слухового впечатления, мог обозначать его через *-ьр-*, как это имело место при написании такого, например, обычного в евангелии слова, как *капернаоумъ*.

Следует, впрочем, заметить, что ПЕ, взятое в качестве основного источника при написании данной работы, в указанном случае дает очень мало. И это понятно. Ориентация писца на безъеровую передачу сочетаний, включающих плавный и следующий за ним неорганический гласный, определила сравнительно редкое отражение этого гласного в структуре заимствованной лексики. Ср.: *маръ-фюу* (159, единственный пример), но — *марфы* (159), *марфѣ* (159об), *марфа* (159об, 160, 160об, 161об, 206об, 207); а также: *варфоломѣи* (38об), но — *варѣфоломѣя* (МЕ, 61); *иердана* (214), но — *иорѣданъ* (МЕ, 57) и т. д. Название *капернаоумъ* в ПЕ лишь одним написанием обнаруживает присутствие неорганического гласного, тогда как уже в ОЕ это слово обычно передается с глухим. Ср.: *въниде исъ въ каперѣнаоумъ* (ОЕ, 8об), но — *приде исъ въ капернаоумъ* (ПЕ, 4об); *его же сынъ болѣше въ каперѣнаоумъ* (ОЕ, 18об), но — *его же сынъ боляше в капернаоумъ* (ПЕ, 14) и т. д. Позднейшие тексты евангелий нередко сохраняют написание *каперѣнаоумъ*, наряду с которым уже в текстах XI в. выступает и написание *каперьнаоумъ* (см., например, АЕ, 30 и т. д.). Особенно яркой оказывается картина графического оформления этого слова в МЕ. Здесь (помимо указанного *каперѣнаоумъ* — 22), во-первых, выступает написание *капернаоумъ* (22) — наиболее строгая передача исходного слова. Во-вторых, здесь, как и в тексте ПЕ (88об), выступает написание *капърнаоумъ* (81) — свидетельство возможного сближения *-ер-* : *-ьр-*. В-третьих, здесь выступают написания, свидетельствующие о произносительных вариантах, связанных с присутствием последующего твердого *н*. Ср.: *капърѣнаоумъ* (24, 78, 90об, 147об, а также в ПЕ — 128), но — *каперѣнаоумъ* (57об). Наконец, в-четвертых, здесь выступает написание *каперенаоумъ* (94), отражающее характерное сочетание, в сторону которого было направлено развитие исходного сочетания *-ер-* при наличии живой фонетической тенденции, свойственной собственно русским словам. Эти данные МЕ, сопоставляемые с материалом, иллюстрирующим развитие русского полногласия, как кажется, представляют большой интерес.

Другое, что привлекает внимание при рассмотрении двуеровых написаний в источниках XII в., — это неравномерность их употребления при передаче сочетаний, включающих, с одной стороны, плавный *р*, а с другой стороны — плавный *л*. Приведенные выше примеры из ПЕ достаточно красноречиво иллюстрируют факт значительного преобладания написаний с *-ълъ-*. Насколько мы можем судить, это обстоятельство еще никем не отмечалось, а между тем его наличие подтверждается целым рядом источников, представляющих чередование одноеровых и двуеровых написаний. Примером текста, для которого последние написания достаточно характерны, может послужить текст МЕ, данные которого приводятся

Памятники	Типы написаний					
	-ьр-	-ър-	-ъл-	-ьръ-	-ъръ-	-ълъ-
Пантееймоново евангелие (ПЕ)	86	97	63	14	3	37
Миятино евангелие (МЕ)	48	58	23	52	42	77

в таблице (в ней округленно указываются проценты, подсчитанные на основе соотношения -ьр- : -ьръ-, -ър- : -ъръ- и -ъл- : -ълъ-).

Как следует из таблицы, в МЕ при обилии двуеровых написаний картина преобладающего использования графического сочетания -ълъ- оказывается еще более яркой и исключаящей возможность истолкования наблюдаемых отношений как чего-то обособленного или случайного. О том же свидетельствуют и данные Ефремовской кормчей, приведенные С. П. Обнорским [8]: при незначительном количестве двуеровых написаний преобладание написаний с -ълъ- в этом памятнике достаточно заметно (они составляют 12% по отношению к общему количеству сочетаний с -л-, тогда как в сочетаниях с -р- их количество ничтожно — менее 5%). Нелегко догадаться, какое реальное основание отражает наблюдаемая графическая закономерность. Во всяком случае особенно широкая распространенность форм с полногласием вроде *молонья* или *должно* как будто бы допускает фонетическое истолкование установленного факта.

О возможности такого истолкования говорит, как нам кажется, и наблюдаемая картина употребления так называемых «болгарских» написаний, т. е. написаний типа *вьръхъ* и *вьлна*. Их количество в исследованном тексте сравнительно невелико:

1. Написания типа -ръ-: *вьвьръгоша* (84об, 203), *вьвьръже* (84об два, 203), *вьвьръши* (56об), *жрьньвахъ* (81), *одръжа* (113об), *отвьръжеши* (174об), *отвьръже* (84), *поврьже* (112об), *потръпи* (62), *пръво* (84), *пръстъ* (202об), *прѣтрѣвъши* (59), *тръние* (67об), *трънии* (48об, 69об), *трълю* (157), *чрьвъ* (154 два).

2. Написания типа -ръ-: *оскрѣбѣ* (204), *протръжесе* (203об), *тръжишихъ* (95), *тръжъникомъ* (82).

3. Написания типа -лъ-: *вьлъхъ* (39), *исплънена* (184об), *исплънения* (127), *исплъненоу* (185об), *исплъни* (183об), *исплънисте* (168об), *исплънися* (161 об, 206 об, 221), *исплънити* (222), *исплъниша* (73об, 88об, 92об, 216об, 219), *исплънь* (90), *исплъняя* (219), *наплънися* (50, 63), *наплъниться* (123), *наплъниша* (89об), *облъчена* (42), *плъни* (58, 58об, 168об), *свьлъкъше* (113).

Приведенный перечень примеров, как легко убедиться, также позволяет противопоставить сочетаниям с -р- сочетаниям с -л-: «болгарские» написания типа -ръ- (-ъръ-) составляют менее 5% от общего количества сочетаний, включающих -р-, тогда как написания типа -лъ- (на общем фоне сочетаний, включающих -л-) дают 20%, что опять-таки заставляет признать исключительное положение сочетаний, включающих -л-, с точки зрения графической интерпретации сочетаний редуцированных с плавными. Характерно, что в МЕ, в котором «болгарские» написания практически отсутствуют (с -р-, при 367 написаниях, отмечено лишь два ненадежных примера: *оск-връннѣти* — 75 и *истръгнѣть* — 119 об), все же содержится заметное количество случаев использования написания -лъ- (ср. -лъ- — 5, -ъл- — 20, и -ълъ- — 67 примеров): *вьлъхъ* (93об), *наплънися* (57), *облъчена* (21об), *плъни* (52об), *оумлъкни* (58).

Таким образом, в истории неорганической гласности предстоит разрешить еще немало загадок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, с. 23.
2. Селищев А. М. Старославянский язык. 1. М., 1951, с. 280.
3. Марков В. М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.
4. Жуковская Л. П. Реймское евангелие: история его изучения и текст. М., 1978, с. 23, 30.
5. Голыщенко В. С., Дубровина В. Ф. Синайский патерик. М., 1967, с. 44.
6. Васильев Л. Л. Одно соображение в защиту написаний *ьрь*, *ьръ*, *ьръ*, *ьль* древнерусских памятников как действительных отражений второго полногласия.— ЖМНП, 1903, VIII, с. 312.
7. Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка.— В кн.: Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11.1. Пг., 1915.
8. Обнорский С. П. О языке Ефремовской Кормчей XII века.— ОРЯС, 1912, т. 3, вып. 1, с. 42—46.